

**Безопасность
переоценена**

Играшок.

Василий Румянцев

**Безопасность
переоценена. Инфошок**

«Автор»

2026

Румянцев В. Н.

Безопасность переоценена. Инфошок / В. Н. Румянцев —
«Автор», 2026

Им было шестнадцать. Им запрещали соцсети — ради их же безопасности. А потом запрет сняли, и пятеро друзей вошли в мир, к которому никто их не готовил. Алгоритм подобрал каждому свою правду. Правда оказалась смертельной.

© Румянцев В. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Безопасность переоценена. Инфошок

Глава

Безопасность переоценена: Инфошок.

Акт I. Доступ

Глава 1. Шестнадцать.

Свечи догорали. Пять штук, по числу именинников, торчали из общего куска брауни — заведение не разрешало свою еду, а этот десерт был единственным, что официантка согласилась украсить свечами. Пятеро сидели за угловым столиком, сдвинув два квадратных стола. Кафе называлось «Пляц» — старая забегаловка на первом этаже хрущёвки, с жёлтыми стенами и музыкой, которую ставили так тихо, что слышно было только бас.

— Ну, — сказал Артур, откидываясь на спинку стула. — Завтра.

— Завтра, — эхом отозвалась Эмилия и улыбнулась, потирая ладони.

Они ждали этого три всё детство. Прошло восемь лет с того дня, как парламент принял поправки, запрещающие регистрацию в соцсетях до шестнадцати. Восемь лет родительских собраний, где взрослые благодарили власть за заботу о детях. Восемь лет шепотков в школьных коридорах: «У меня брат сидит через прокси», «А мне отец давал свой телефон». Восемь лет ощущения, что настоящая жизнь идёт где-то там — за стеклом, в котором видно только их собственное отражение.

И вот теперь — завтра.

— Первым делом заведу себе нормальный аватар, — Артур провёл рукой по волосам, жестом, который репетировал перед зеркалом. — Не это вот. — Он показал на своё отражение в окне. — А такой, знаете, Лондон на фоне. Или Берлин.

— Ты в Берлине не был, — заметил Марк, ковыряя вилкой остатки брауни.

— Ну и что? Фотошоп. Я уже скачал приложение.

Эмилия закатила глаза:

— А я подпишусь на «Женскую волю». И на тот аккаунт, который про права женщин. Мне мама рассказывала, там такие вещи творятся, вы даже не представляете.

— Какие вещи? — спросила Иева. Она сидела у окна, молчаливая, как обычно, но теперь подалась вперёд. — Про права женщин?

— Ну, домогательства, неравная оплата, стеклянный потолок. Всё это.

— У нас на хуторе женщины работают больше мужчин, — пожала плечами Иева. — Никакого потолка. Разве что в коровнике.

Все засмеялись, кроме Эмилии. Та нахмурилась на секунду, но Артур уже тянулся через стол с телефоном:

— Смотрите, я тут список составил. На кого подписаться, что читать. Там один парень из Таллина, он на английском пишет. Вообще улётный.

Томс смотрел на них молча. Его кусок брауни лежал почти нетронутым. Он сидел с краю, там, где жёлтая краска стены облупилась и проглядывал серый бетон. Ему тоже исполнилось шестнадцать — три недели назад. Самый старший из компании, на двадцать два дня старше Марка. Но сейчас он чувствовал себя на десять лет старше.

— Томс, ты чего? — Марк пихнул его локтем. — Ты какой-то... не такой.

— Нормально, — сказал Томс.

— Ты же тоже завтра регистрируешься? — спросила Эмилия.

— Да. Наверное.

— Что значит «наверное»?

Томс пожал плечами:

— Просто не уверен, что это такая уж большая вещь.

Артур фыркнул:

— Чувак, это же соцсети. Там всё. Новости, мемы, знакомства. Ты как без этого жить собрался дальше?

— Я и так жил, — ответил Томс.

Никто не заметил, как он отвёл глаза.

Официантка принесла счёт. Они скинулись мелочью — традиция, которая тянулась с седьмого класса, когда они впервые зашли в это кафе после школы. Тогда их было пятеро, и тогда они ещё не знали слова «аватар». Артур мечтал стать пилотом, Марк — футболистом, Иева хотела возродить дедов хутор, Эмилия собиралась открыть приют для животных, а Томс... Томс хотел, чтобы всё оставалось как есть.

Теперь Артур хотел в Лондон. Марк говорил о том, что хорошо бы в Москву — у него там родня. Иева молчала, но в её молчании появилось что-то новое, какая-то пружина. Эмилия открыла для себя слово «активизм».

А Томс хотел, чтобы они остались здесь. За этим столом. Пять свечей.

— Ладно, — сказал Марк, поднимаясь. — Завтра все встречаемся в чате. Я создам группу.

— В каком чате? — спросила Иева.

— В том, который мы завтра заведём.

Они вышли на улицу. Октябрьский воздух пах дождём и прелыми листьями. Город лежал перед ними — тринадцать тысяч жителей, площадь с памятником, три школы, завод, который закрыли пять лет назад, и хутора вокруг, где время текло как густое молоко. Где-то далеко, в столице, парламент принимал законы, защищающие детей. А здесь, на окраине, дети ждали, когда защита кончится.

— До завтра, — сказала Эмилия.

— До завтра, — сказал Артур.

— До завтра, — сказала Иева.

— До завтра, — сказал Марк.

Томс ничего не сказал.

Он шёл домой через парк. Фонари горели через один. В кармане завибрировал телефон — не уведомление, просто таймер напомнил, что пора спать. Томс остановился, глядя на тёмный экран.

Он помнил тот вечер. Шесть лет назад. Ему было десять. Отец забыл выйти из своего аккаунта на общем планшете. Томс открыл браузер и просто нажал на иконку — круглую, синюю. Сайт загрузился. «Зарегистрироваться». Он нажал. Имя, фамилия, дата рождения — он прибавил себе пять лет. Пароль он придумал за секунду. Просто набор цифр, которые ничего не значили.

И мир открылся.

Первые недели — восторг. Смешные видео, картинки с котами, страницы его любимых игр. Потом алгоритм начал предлагать другое. Сначала осторожно: «Вам может быть интересно». Потом настойчивее. К двенадцати годам Томс прошёл через три информационных пузыря и вышел с другой стороны. Он видел, как рекомендательная система подсовывает ему то, что удержит его внимание, — гнев, страх, возмущение работали лучше всего. Он видел, как его одноклассники, те немногие, кто тайком пробирался в сеть, начинали говорить чужими словами. Он видел дипфейки, которые были смешными, и дипфейки, от которых становилось не по себе. Он видел, как люди ссорятся в комментариях, а потом выясняется, что оба спорили с фейковыми аккаунтами.

Он хотел рассказать друзьям.

Шесть лет он ждал момента, когда они тоже войдут в этот мир, — и боялся этого момента больше всего на свете.

Томс убрал телефон в карман и пошёл дальше. В парке было тихо. Где-то впереди лаяла собака. Завтра его друзья проснутся и впервые увидят то, что он видел уже шесть лет. Завтра начнётся их настоящая жизнь.

И он ничего не мог с этим сделать.

Глава 2. Пустой профиль.

Утро началось с тишины. Не с той, что бывает в доме, когда все спят, а с особенной — когда в комнате сидит человек и смотрит на экран, ещё ничего не нажав.

Эмилия проснулась первой. Телефон лежал на тумбочке, подключённый к зарядке. Она взяла его, ещё лёжа под одеялом, и зашла в магазин приложений. Иконка — круглая, синеватая. «Установить». Полсекунды. «Открыть».

Регистрация заняла четыре минуты. Имя: Эмилия Розе. Возраст: 16. Фото: она выбрала то, где стоит на фоне цветущей яблони у бабушки в саду. Волосы распущены, улыбка широкая. Статус она придумала ещё вчера: «Если не я, то кто?». Правда, красиво.

Первое, что она сделала — загрузила фото. Не с яблоней, а с Лаймой, своей полосатой кошкой, которая спала на подоконнике. Подпись: «Знакомьтесь, это Лайма. Она тут главная». Отправить.

И мир ответил. Через минуту — первый лайк. От Артура. Потом ещё один. И комментарий: «Красотка! Кошка тоже ничего)). Эмилия улыбнулась. Ощущение было такое, будто она вошла в комнату, полную людей, и кто-то подвинулся, освобождая ей место.

Артур регистрировался иначе. Он проснулся в девять, принял душ, надел новую куртку — ту самую, с высоким воротником, которую мать подарила на день рождения, — и только потом взял телефон. Он стоял у зеркала, ловил свет. Тридцать кадров. Из них он выбрал один, где вышел особенно острый подбородок. Фильтр — чёрно-белый, он скрывал прыщ на лбу.

Имя: Артур Берзиньш. Возраст: 16. Город: не указывать — пусть думают, что он уже где-то не здесь. В графе «о себе» он написал: «Билет в один конец» и поставил эмодзи самолёта.

Первым делом он подписался на того парня из Таллина, про которого говорил вчера. Потом — на лондонского блогера с идеальной причёской. Ещё на одного, который жил в Берлине и постил фотографии метро, библиотек и закатов над Шпрее.

Свой первый пост Артур посвятил не им, а себе. Селфи в куртке. Подпись: «День первый. Запомните этот профиль». Лайки пошли почти сразу. От Эмилии, от Марка, от Иевы. От каких-то незнакомых людей — пара штук. Артур смотрел на счётчик и чувствовал что-то похожее на глоток горячего чая.

Марк подошёл к делу проще. Телефон был старенький, с треснутым в углу экраном, но работал. Имя: Марк Ветров. Возраст: 16. Фото: он взял то, где стоит с отцом на фоне старого заводского цеха — снято год назад, когда отец ещё работал.

Он не стал придумывать статус. Вместо этого сразу зашёл в поиск и нашёл группу, которую ему вчера посоветовал один парень с района. «Помним. Гордимся. Продолжаем». Там были фотографии советских памятников, марши, старые песни. Одна из них — про солдата, вернувшегося домой, — застряла у Марка в голове ещё с детства. Дед пел.

Он нажал «поделиться». Репост ушёл в пустую ленту. Марк подумал и дописал от себя: «Настоящее не забывается». Через минуту пришёл лайк от Иевы. И коммент от незнакомого человека: «Уважаю, брат».

Марк долго смотрел на этот комментарий. Его никто никогда не называл братом, кроме отца.

Иева сидела на ступеньках дома. Утро было холодным, от травы шёл пар. Она укуталась в старую отцовскую кофту и направила камеру на поле, уходящее к лесу. Слева — край сарая, справа — рябина с красными гроздьями. Никаких фильтров. Она не любила, когда меняют цвета.

Имя: Иева Озола. Возраст: 16. Фото: она выбрала то, которое сняла сама, — отражение в луже на просёлочной дороге. Не видно лица, только силуэт и небо вверх ногами.

Статус она написала один: «Своя земля».

Первый пост вышел сам собой — пейзаж хутора. «Доброе утро». И всё. Она не ждала лайков, но они пришли. От Марка, от Эмили, от Артура. И от кого-то ещё — незнакомый аккаунт с флагом в описании. Комментарий: «Красота. Наше всё». Иева не ответила. Она просто смотрела на экран и чувствовала странное тепло — будто кто-то далеко увидел её хутор и признал его настоящим.

Томс зарегистрировался последним. Он оттягивал этот момент всё утро: позавтракал, помыл посуду, почитал новости на старом новостном сайте, где не было комментариев. Потом сел за стол. Планшет, который дал отец, лежал перед ним.

Имя: Томс Калныныш. Возраст: 16. Фото: никакого. Он поставил аватар — чёрный квадрат. Статус: пусто.

Он зашёл в профили друзей. Эмилия: кошка. Артур: куртка. Марк: песня. Иева: поле. Их профили были как четыре двери в четыре разные комнаты. Томс знал, что за этими дверями скоро появятся другие голоса. Не их собственные.

Он открыл настройки приватности. Закрыв профиль ото всех, кроме списка контактов. Потом подумал и оставил только друзей.

Иева скинула в общий чат сообщение: «Ну что, все здесь?». Ответы посыпались быстро: «Да!», «Ага!», «Наконец-то!». Томс написал: «Я тоже». И убрал телефон.

На экране горел пустой профиль. Томс смотрел на него и думал о том, что пустота — это не отсутствие. Это пространство, которое обязательно чем-то заполнят. И он не мог решить за друзей, чем именно.

Телефон снова завибрировал. Общий чат. Артур скинул ссылку на свой пост. «Гляньте, сколько лайков!». Смайлик. Огонь.

Томс не открыл ссылку. Он встал, подошёл к окну. За окном было обычное утро. Те же деревья, та же улица. Ничего не изменилось, кроме того, что четверо его друзей только что открыли дверь в мир, который он знал слишком хорошо. И дверь за ними закрылась.

Он взял телефон и написал один пост — первый и последний за этот день. Без картинки. Всего два слова: «Берегите себя».

Через час пост удалил. Но Эмилия успела поставить лайк.

Глава 3. Алгоритм.

Ночью дом дышал иначе. Днём он был полон звуков — шаги матери на кухне, голос отца из гостиной, радио, которое никто не слушал, но никогда не выключал. Ночью оставались только холодильник и ветер. Томс лежал в темноте и слушал, как за окном раскачивается старая липа. Час ночи. Он не спал.

Телефон лежал экраном вниз. Он не хотел на него смотреть, но рука сама потянулась. Привычка, которой было шесть лет.

В десять лет Томс впервые открыл соцсеть. Отец забыл выйти из аккаунта на планшете. Томс помнил этот вечер в деталях: октябрь, дождь, мать ушла на ночное дежурство в больницу, отец уснул перед телевизором. Планшет лежал на подлокотнике дивана, экран ещё горел. Томс взял его просто чтобы поиграть, но увидел иконку. Синюю. Круглую. С белой птицей или чем-

то похожим — теперь он уже не помнил точно, та соцсеть давно закрылась, её съела другая, побольше. Он нажал.

Первые дни были раем. Смешные видео с котами, падения с велосипедов, розыгрыши. Алгоритм — тогда он не знал этого слова — просто показывал ему то, от чего он смеялся. Он смеялся — алгоритм показывал ещё. Простая механика, как у автомата с газировкой: нажал кнопку — получил сироп.

Потом алгоритм начал учиться. Он запоминал не только то, над чем Томс смеялся, но и то, на чём он задерживал взгляд. А Томс, как любой десятилетний мальчик, задерживал взгляд на странном. На пугающем. На громком. Алгоритм это заметил.

Сначала осторожно: «Вам может быть интересно». Видео про Бермудский треугольник. Томс посмотрел. Потом — про исчезновения кораблей. Томс посмотрел. Потом — про то, что исчезновения не случайны. Что за ними стоят определённые силы. Что эти силы связаны с правительствами. Что правительства скрывают правду. Что правду знают только избранные. Что ты — один из тех, кто начинает видеть.

Томсу было одиннадцать. Он верил.

К двенадцати годам он состоял в трёх закрытых группах. Одна — про «химиотрассы» в небе. Вторая — про древние цивилизации и то, что пирамиды построили не люди. Третья — про то, что всё это звенья одной цепи. Он не говорил об этом никому. Ни родителям, ни друзьям. Это было его тайное знание, и оно давало чувство превосходства. Он знал то, чего не знали другие. Он был особенным.

Механизм он заметил случайно.

Однажды ночью, такой же, как эта, он сидел и пересматривал свои сохранённые посты. И увидел последовательность. Первое видео: шутка. Второе: загадка. Третье: версия. Четвёртое: доказательство — «они скрывают». Пятое: призыв — «распространи, пока не удалили». Томс пролистал назад, к самому началу. К котам. К смешным падениям. И обратно — к «они скрывают». Он увидел лестницу, по которой его вели. Ступенька за ступенькой. И каждая казалась такой маленькой, такой логичной. Как можно было не заметить?

Он удалил аккаунт в ту же ночь. Создал новый, с другим именем, другим возрастом. Стал наблюдать. Это было как болезнь, от которой он выздоровел и теперь смотрел, как заболевают другие. Симптомы всегда были одинаковыми: смех, любопытство, тревога, гнев, уверенность. Всегда в этом порядке.

Теперь ему было шестнадцать. Он лежал в кровати и смотрел на телефон. Экран загорелся. Он открыл соцсеть.

Первым он проверил Марка. Лента Марка уже начала меняться. Вчера она была пустой. Сегодня там появились: репост патриотической песни — безобидно. Видео про военную технику — познавательно. Пост про то, как «Запад врёт» — тревожный звоночек. Томс увидел группу, на которую подписался Марк. «Помним. Гордимся. Продолжаем». Он зашёл внутрь. Посты про славное прошлое перемежались постами про предательство в настоящем. В комментариях: «Нас продали», «Мы должны подняться», «Скоро». Алгоритм уже нащупывал нерв.

Артур. Лента Артура была глянцевой. Блогеры из Лондона, коучи, стартаперы. «Как я переехал и стал собой». «Почему маленькие страны обречены». «Ты достоин большего». Артур ставил лайки на всё подряд. Алгоритм видел его аппетиты: успех, свобода, бегство. Он уже подсовывал контент, где Прибалтика выглядела как серая дыра, из которой нужно бежать. Пока мягко. Пока только намёками.

Иева. Лента Иевы была тихой и красивой. Фотографии хуторов, народные орнаменты, старые песни. Но Томс видел, как в рекомендациях у неё начали всплывать посты другого рода. «Нас замещают». «Кто приходит на нашу землю». «Традиция или смерть». Она ещё не ставила лайки. Но алгоритм уже знал, что она задерживает взгляд.

Эмилия. Лента Эмилии была громкой. Социальная справедливость, права женщин, разоблачения. Она комментировала каждый второй пост. «Это возмутительно». «Как можно молчать». Алгоритм уже вёл её от эмпатии к ярости. Томс видел, как аккуратно платформа меняет пропорцию: вчера — истории жертв, сегодня — истории врагов. Завтра будут имена. Конкретные люди, которых нужно осудить.

Томс отложил телефон.

Он знал, что будет дальше, потому что сам прошёл этот путь. Неделя — и они поверят, что мир делится на своих и чужих. Две недели — и чужие станут врагами. Три — и врагов нужно будет уничтожить. Не физически, пока нет. Но словом. Постом. Репостом. Хэштегом.

Алгоритму было всё равно, во что они поверят. Важно было только одно — чтобы они не выключались. Чтобы листали. Чтобы гнев, страх и возмущение держали их у экрана, потому что эти эмоции работали лучше всего. Счастье не заставляло возвращаться. Гнев — заставлял.

Томс встал и подошёл к окну. Липа всё качалась. Где-то далеко, за лесом, светилась вышка сотовой связи — красный огонёк в темноте. Он смотрел на неё и думал о том, что завтра его друзья проснутся и увидят новый контент. Подобранный специально для них. Идеально лежащий на их страхи и мечты. И они не заметят, как ступенька за ступенькой уходят вниз.

Он мог бы рассказать им. Мог бы объяснить про лестницу. Про механизм. Про то, как он сам чуть не провалился. Но в том-то и дело — когда ты на лестнице, ты не веришь тем, кто стоит наверху. Ты веришь только тому, кто идёт рядом с тобой. А рядом с тобой идёт алгоритм.

Томс вернулся в кровать. Телефон он положил экраном вниз. Завтра он снова зайдёт в их профили. Завтра он снова будет смотреть, как они меняются. И ничего не сможет сделать.

Он закрыл глаза. Красный огонёк вышки всё мигал за окном, как сердце какого-то огромного зверя, который проснулся и больше не уснёт.

Глава 4. Пять комнат.

Марк.

В комнате Марка пахло машинным маслом и старыми обоями. Этот запах въелся в стены ещё при деде, который работал на заводе сорок лет и приносил спецовку домой — стирать было негде, цеховая прачечная вечно ломалась. Теперь спецовка висела на гвозде в прихожей, уже отцовская, но такая же промасленная. Завод закрыли, а запах остался.

Марк сидел на кровати, прислонившись спиной к стене. Телефон в руке, экран — единственный источник света. Он листал ленту уже час. Патриотические песни сменились историческими сводками, сводки — аналитикой, аналитика — разоблачениями. Кто-то с ником «Ветеран_89» писал о том, как Запад годами грабил страну. Кто-то другой, с анонимным профилем, утверждал, что знает имена тех, кто подписал документы о закрытии завода.

Из кухни доносился голос отца. Отец говорил по телефону с бывшим сослуживцем — громко, как всегда, когда речь заходила о политике:

— ...а они думают, мы так и будем молчать? Завод развалили, землю продали, теперь ещё и памятники сносить собрались. Дедов наших, понимаешь, памятники!

Марк слышал эти слова с детства. Но раньше они были просто шумом, фоном, как радио. Теперь он слушал. И впервые не просто слышал, а понимал. Или ему казалось, что понимал. Лента подсовывала ему ровно то, что объясняло отцовский гнев. Придавало ему структуру. Превращало в систему.

Отец за дверью повысил голос:

— Я им не прощу. Никогда.

Марк поставил лайк на пост «Нас не сломать». И почувствовал, что делает что-то правильное.

Артур.

В комнате Артура пахло освежителем воздуха — он прыснул им перед тем, как сесть за ноутбук. Артур считал, что комната должна пахнуть не так, как вся квартира. Квартира пахла старой мебелью, тушёной капустой и ещё чем-то, чему он не мог подобрать названия, кроме как «бедность». Освежитель пах «Альпийской свежестью». Это была его маленькая война с реальностью.

На ноутбуке были открыты три вкладки. Первая — его собственный профиль: он проверял лайки. Двадцать четыре. Неплохо для первого дня. Вторая — страница блогера из Берлина. Третья — сайт языковых курсов в Германии.

Мать постучала в дверь:

— Артур, ужинать.

— Потом.

— Ты опять за компьютером? Глаза посадишь.

— Мам, я занят.

Он не был занят. Он смотрел на фотографию берлинского метро. Чистые платформы, ровный свет, люди в хорошей одежде. Никто не толкается. Никто не кричит. Всё работает. Он перевёл взгляд на стену своей комнаты — обои в цветочек, которые клеила ещё бабушка. Потом на окно, за которым темнела улица его города. Тринадцать тысяч жителей. Площадь с памятником. Три школы. Закрытый завод.

Он снова посмотрел на Берлин.

В комментариях под фото кто-то написал: «Мечтать не вредно». Артур закрыл вкладку. Потом открыл снова. Лайкнул. Сохранил. И начал искать стоимость билета.

Эмилия.

Комната Эмилии была самой светлой в доме. Белые стены, плакаты с животными, книжные полки — детективы, фэнтези и несколько биографий, которые ей подарила мать. На столе стояла кружка с остывшим чаем. Лайма спала на подоконнике, свернувшись в клубок.

Эмилия листала ленту в телефоне. Алгоритм уже понял её интересы. Посты про права женщин, разоблачения домогательств, статистика, истории. Одна история начиналась так: «Мне было пятнадцать. Он сказал, что это нормально. Я поверила».

Эмилия остановилась. Перечитала. Сердце забило быстрее. Она не знала эту женщину. Но текст был как удар под дых — короткий, простой, страшный. Дальше шли комментарии. Сотни комментариев от других женщин. «Со мной тоже». «И со мной». «Я молчала десять лет». «Я до сих пор боюсь».

Она читала, и что-то внутри неё сжималось. Не страх. Гнев. Чистый, холодный гнев. Как можно жить в мире, где это происходит? Как можно молчать? Как можно говорить «сама виновата»?

— Эмилия, ты плачешь?

Мать стояла в дверях. Эмилия не заметила, как та вошла.

— Нет. То есть да. То есть... мам, ты знала, что каждая третья женщина подвергалась домогательствам?

Мать вздохнула и присела на край кровати:

— Знала. Я была одной из них.

Тишина. Лайма подняла голову, посмотрела на них и снова уснула. Эмилия смотрела на мать и не могла найти слов. А потом нашла — не для матери, для поста. Она написала: «Моя мама тоже. Сколько можно молчать?». И нажала «отправить».

Иева.

В комнате Иевы было холодно. Хутор отапливался печью, и тепло доходило до её комнаты последним. Она сидела, укутавшись в одеяло, и смотрела не в телефон, а в телевизор. Старый, с выпуклым экраном, который ещё помнил времена, когда каналов было три.

По телевизору шёл репортаж. Граница. Мигранты. Камера показывала очередь у пункта пропуска — мужчины, в основном молодые, в тёмной одежде. Журналист говорил о росте преступности в соседней стране. О том, что поток не прекращается. О том, что Европа не справляется.

Отец Иевы сидел в кресле и молча смотрел в экран. Он всегда молча смотрел новости. Только пальцы барабанили по подлокотнику — единственный признак напряжения.

— Их всё больше, — сказал он вдруг. — Скоро и до нас дойдут.

Иева не ответила. Она перевела взгляд на телефон. В ленте был пост — перепост того самого репортажа, но с другим текстом. Автор писал: «Они идут сюда. Нашу землю. Наши дома. Кто защитит, если не мы сами?»

Иева смотрела на экран. За окном темнело поле — то самое, которое она фотографировала утром. Своя земля. Она положила палец на кнопку «поделиться». Подумала. Убрала палец. Потом снова поднесла. И нажала.

Томс.

В комнате Томса было темно. Не полумрак — полная темнота. Он сидел на стуле у окна, не включая свет. Телефон лежал на столе экраном вниз. Он не листал ленту. Он слушал дом.

За стеной отец работал за компьютером — клавиши стучали быстро, с перерывами. Программист. Мать вернулась с ночной смены и спала в их спальне. Тихо, мирно. В их доме никогда не кричали. Никогда не говорили о политике. Отец однажды сказал: «Политика — это то, что отвлекает людей от их собственной жизни». И Томс запомнил это навсегда.

Но сейчас политика была не где-то. Она была в телефонах его друзей. Она уже вошла в их комнаты. Уже начала менять их голоса.

Томс взял телефон. Открыл соцсеть. Пролистал ленту.

Марк: репост «Нас не сломать». Пятьдесят лайков.

Артур: новая фотография — на этот раз не он сам, а картинка с надписью «Работай в тишине, пусть успех будет твоим шумом». Подпись: «Скоро».

Эмилия: пост о домогательствах. Тридцать комментариев, и половина — споры.

Иева: репост репортажа. Первый политический пост в её профиле. Без единого слова, просто ссылка.

Томс читал и чувствовал, как что-то уходит. Не друзья — пока нет. Но та лёгкость, которая была между ними в кафе. Общий воздух. Общий смех. Он уходил, как вода сквозь пальцы.

Он мог бы написать им. Каждому лично. Объяснить. Но что именно? «Осторожно, алгоритм»? «Не верьте тому, что видите»? Кем бы он выглядел? Параноиком. Умником. Тем, кто хочет испортить им праздник. Они только вчера зарегистрировались. Они счастливы. Кто он такой, чтобы отнимать у них это счастье?

Томс отложил телефон. В комнате было тихо. Только ветер за окном и далёкий лай собаки где-то на хуторах. Он сидел в темноте и думал о том, что самое страшное знание — это знание, которым нельзя поделиться. Потому что оно приходит только через опыт. А опыт у каждого свой.

Он закрыл глаза. Где-то в четырёх других комнатах его друзья продолжали листать ленту. И каждый думал, что он один. И каждый был прав.

Глава 5. Первый спор.

Они встретились в том же кафе через три дня. «Пляц» встретил их привычным запахом кофе и старых половиц, которые скрипели ровно на третьей ступеньке от входа. За угловым столиком, их столиком, сидел кто-то чужой, и Артур громко возмутился, пока официантка не указала им на другой — у окна. Света было больше, но стулья оказались жёстче.

— Как в школе, — сказала Эмилия, усаживаясь. — Чувствуешь себя наказанной.

— Тебя часто наказывали? — усмехнулся Марк.

— Один раз. За то, что сказала учителю физики, что он сексист.

— А он был сексист?

— Он сказал, что девочки не способны к точным наукам. Так что да.

Артур заказал капучино — единственный в компании, кто пил кофе всерьёз. Остальные взяли кто чай, кто сок. Иева, как всегда, сидела с краю и молча размешивала сахар, хотя в её кружке был зелёный чай без всего.

— Ну что, — Артур откинулся на спинку, — как вам соцсети? У меня уже пятьдесят подписчиков.

— Шестьдесят два, — сказала Эмилия, не поднимая глаз от телефона.

— Это потому, что ты девочка. Девочкам всегда больше лайков ставят.

— О, отличное начало, — фыркнула Эмилия. — Сексизм за соседним столиком. Пересядь.

Артур поднял руки:

— Шучу, шучу. Но вообще, если серьёзно — я тут на одного парня подписался. Он из Берлина. Пишет про то, как там живётся. Это просто другой мир. Там реально всё работает. Транспорт ходит по расписанию. Власти слышат людей. Никакой этой нашей... — он неопределённо покрутил рукой.

Марк, который до этого молча смотрел в окно, повернулся:

— Какой нашей?

— Ну, ты понимаешь. Совок, бюрократия, все друг другу должны, и никто никому не платит.

— Совок? — Марк поставил стакан с соком на стол чуть громче, чем нужно. — Ты про мою семью сейчас говоришь? Мой прадед на заводе работал. При совке, как ты говоришь. И у него была квартира, работа и будущее. А сейчас завод стоит. Где твой Берлин был, когда завод закрывали?

— При чём тут Берлин? Завод закрыли, потому что он был неэффективен.

— Он был эффективен, пока его не разворовали.

Пауза. За соседним столиком женщина с ребёнком обернулась. Артур усмехнулся, но усмешка вышла кривая:

— О, начинается. Ты уже три дня в соцсетях, а говоришь как мой дед.

— А ты говоришь как те блогеры, на которых ты подписался. Ты их вообще знаешь? Кто они такие?

— А ты знаешь тех, кто тебе постит про «великое прошлое»?

Томс положил ладонь на стол между ними:

— Может, не будем?

Но его не услышали.

Иева вдруг сказала, не поднимая головы:

— Пока вы спорите про Берлин и завод, к нам на хутор вчера приезжали чужие.

Все замолчали.

— Какие чужие? — спросила Эмилия.

— Мигранты. Пришлые. Не знаю, как правильно. Они шли через лес. Отец вышел с ружьём. Не стрелял, просто показал. Они ушли. Но придут другие.

— И что, — Эмилия подалась вперёд, — ты теперь предлагаешь всех чужих отстреливать?

— Я не предлагаю. Я говорю, что они идут через нашу землю. Нашу. Понимаешь?

— Это просто люди, Иева. Они бегут от войны и голода.

— Это не моя война. И не мой голод. У нас своих проблем хватает.

Эмилия вспыхнула:

— Ты вообще слышишь, как ты говоришь? «Чужие», «наша земля». Это же натуральный...

— Что? — Иева подняла глаза. В них не было злости. Только усталость. — Натуральный что? Фашизм? Скажи.

— Я не хотела...

— Нет, скажи. Ты живёшь в городе. У тебя родители — учителя. Ты не видела, как твой отец встаёт в пять утра, чтобы чинить забор, который сломали те, кто шёл через поле. Ты не видела, как мать прячет документы, потому что боится. Ты читаешь свои посты про права женщин, про угнетённых, про то, как все должны друг другу. А я живу на земле, которую мой дед поднимал своими руками. И я не хочу, чтобы по ней ходили те, кому на неё плевать.

Тишина. Даже радио, которое вечно бормотало над стойкой, будто затихло.

Томс кашлянул:

— Слушайте. Давайте просто выпьем чай. Мы же не решаем мировые проблемы. Мы просто сидим в кафе.

— Уже нет, — сказал Марк. — Уже решаем.

Но осадок схлынул. Иева снова опустила глаза. Эмилия отвернулась к окну. Артур pokrutil чашку в пальцах и сказал примирительно:

— Ладно, проехали. Я просто хочу когда-нибудь жить в нормальной стране. Вот и всё.

— А я хочу, чтобы моя страна снова стала нормальной, — ответил Марк. — И она не в Берлине.

— Я хочу, чтобы женщины не боялись ходить по улицам, — тихо сказала Эмилия.

— Я хочу, чтобы по нашей земле не ходили чужие, — сказала Иева.

Томс посмотрел на них — на каждого по очереди. Они сидели за одним столом, но говорили на четырёх разных языках. И каждый язык был правильным. В том-то и дело. Каждый по-своему был прав.

— А ты чего молчишь? — Артур пихнул его локтем. — Чего ты хочешь?

Томс подумал.

— Я хочу, чтобы через год мы всё ещё сидели здесь впятером.

Они допили в тишине. Потом вышли на улицу. Октябрьский ветер гнал листья вдоль тротуара. Где-то далеко, на границе слышимости, выла сирена — скорая или полиция, не разобравшись. Они разошлись в разные стороны, и каждый думал о своём. А Томс стоял у дверей кафе и смотрел им вслед, пока четыре силуэта не растворились в сумерках.

Первый акт закончился. Никто из них этого ещё не знал.

Акт II. Пузыри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.